

Яшчэ адна прыкмета гукасімвалізма – зычныя [ф], [ц] у спалучэнні з галоснымі (фу, ца, ха, фр, ух і інш.), якія паказваюць негатыўную семантыку наймення: *фіфа, цаца, хахаль, фуфыра, шафяруга*.

Паўторы складоў з адным і тым самым галосным гукам таксама сведчаць пра выяўленчую выразнасць лексем: *цаца, хахаль, хаханькі, хіхіканне, фіфа, абармот, ахламон, хунхуз (бандыт, грабежнік), шушукацца*.

Канатацыйная лексіка пацвярджае вывады А. П. Жураўлёва і Н. А. Лук'янавай аб сувязі гукапераймання і гукасімвалізма з пераносным, метафарычным значэннем слова. Падмацуем гэты адпаведнымі прыкладамі: перан. *халера, фурыя, хамелеон, чума, пацук, выдра, бугай, жук, гадзіна* і г.д.

Такім чынам, прааналізаваны матэрыял дае грунтоўныя падставы меркаваць, што паміж гукавой формай канатацыйнага слова і яго значэннем існуе непарыўная, спецыфічная сувязь, якая знаходзіць адлюстраванне ў незвычайнай гукавой форме. Спецыфічнасць, а таксама ўнікальнасць гукавых форм узнікае на аснове словаўтваральнай метафарычнасці, гукапераймання і гукавыяўленчасці.

Бібліяграфічны спіс

1. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Ленанд, 2006. – 239 с.
2. Журавлёв, А. П. Звук и смысл / А. П. Журавлёв. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1991. – 155 с.
3. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики) / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, 1986. – 229 с.

УДК 811

ЗАИМСТВОВАНИЕ ФОРМ ВЕЖЛИВОСТИ КАК НАЧАЛО СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ XVI В.) BORROWING OF POLITENESS FORMS IN THE 16TH CENTURY AS THE BEGINNING OF RUSSIAN DIPLOMATIC ETIQUETTE FORMATION (BASED ON RUSSIAN DIPLOMATIC TEXTS OF THE 16TH CENTURY)

К. А. Третьякова

K. A. Tretyakova

*Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка;*

Науч. рук. – Н. В. Соловьева, канд. филол. наук, доцент

В статье исследуется вопрос об употреблении *ты-вы*-форм в русском дипломатическом дискурсе. Изучается понятие официально-делового этикета и его влияние на использование местоимений 2-го лица ед. и мн.ч. при обращении к адресату. Устанавливается взаимосвязь между использованием местоимений в русском языке и английском/немецком языках, и как результат заимствование уважительной традиции обращения на «вы» к адресату.

The article examines the issue of the use of different you-forms in Russian diplomatic discourse. The notion of official etiquette and its influence on the usage of the second person singular and plural pronouns when addressing the addressee is being studied. The relation is established between the use of pronouns in Russian and English/German, and as a result, the borrowing of a polite tradition of referring to “you” to the addressee.

Ключевые слова: дипломатический дискурс; этикет; местоимения 2-го лица; обращение на «вы»; адресат.

Keywords: diplomatic discourse; etiquette; second person pronoun; referring to “you”; addressee.

Этикет представляет собой систему правил (в данном случае речевых) ритуализированного поведения, которые призваны обеспечивать гармонизирующее речевое воздействие на коммуникантов. Вариативность этикетных параметров определяется коммуникативной ситуацией: существуют относительно свободные и относительно жесткие формулы этикетности [6]. Так, официально-деловой стиль регламентирует строгую систему норм речевого поведения. Как отмечает Н. И. Формановская, нормы и правила речевого этикета, с одной стороны, регулируют, а с другой стороны, показывают отношения членов общества. В свою очередь, речевой этикет, являясь неотъемлемой частью вежливости, предполагает признание достоинства личности и уважительное отношение к ней. Напротив, если адресату отводится роль ниже той, которая соответствует его признакам, это идентифицируется невежливостью [9]. В официально-деловом общении не допускаются грубость и бестактность, поскольку это переводит речевое взаимодействие в конфликтную ситуацию, что не может способствовать дальнейшей эффективной коммуникации [3].

К правилам речевого этикета и вежливости относится употребление местоименных *ты-Вы*-форм по отношению к адресату. Уважение к единичному адресату передается с помощью множественного числа местоимения 2-го лица и называется «*вы-вежливости*» [6, 9].

Принято считать, что эта традиция сложилась в эпоху Петра I в XVII-XVIII вв. Подражая иностранцам, в 1695 году он ввел особую форму вежливости – местоимение 2-го лица мн.ч. *Вы* [7]. В 1722 году обращение на «вы» было закреплено официально в Табели о рангах, и за его нарушение следовал штраф [2]. Однако, как отмечает Е. В. Резникова [6], император «последовательно вежлив» только в межгосударственной коммуникации – в переписке с соотечественниками нет регулярности в употреблении «*вы-вежливости*».

Исконной русской формой обращения к единичному адресату является местоимение единственного числа *ты* [9]. Так, до Петровской эпохи было принято использовать обращение на «ты» независимо от коммуникативной ситуации и социального статуса адресата.

Это справедливо, в частности, и для русской дипломатической коммуникации, основы которой начинают закладываться в старорусском языке XVI – XVII вв. Так, например, обычным является употребление местоимения 2-го лица ед. ч. *ты* и соотносительного с ним притяжательного местоимения *твой* в дипломатической переписке русского царя по отношению к другим монархам. Ср.:

(1) *И мы посла твоего, Елизара, приняли милостивно и грамоту твою, сестры наши люб-ные, и рѣчи твои, которые Н. Ц. В-ву говорилъ отъ тебя, сестры наше люб-ные, посол твой любительно выслушали* (Грамота царя Федора Ивановича королеве Елизавете, 1589 г.) [5, 68, с.346];

(2) *Послали есмо к тебе, брату нашему Стефану королю, пословъ своих великих <...> и што они отъ насъ учнуть тебе, брату нашему, говорити, и ты бы имъ вериль* (Посольская грамота царя Федора Ивановича Стефану Баторию, 1586 г.) [1, 13, с. 31].

В древне- и старорусскую эпоху обращение на «ты» к единичному адресату было единственным и, следовательно, стилистически нейтральным: на «ты» мог обращаться не только монарх и равные по статусу коммуниканты, но и адресант более низкого сословного положения по отношению к монарху:

(3) *А съ тобою, съ Елисаветъ королевною, государь нашъ, В. Г. Ц. и В. К. Федоръ Иванович всеа Русіи, хочетъ впередъ брацкую любовь имѣти и свыше прежнего* (Грамота боярина Бориса Годунова королеве Елизавете, 1589 г.) [5, 69, с. 354].

Прагматические различия (социальный статус, отношение к адресату) передавались с помощью контекстных средств [6], оформленных в рассматриваемых текстах, как правило, в виде приложений:

(4) *И впередъ Великии Государь нашъ <...> хочетъ слышати и видѣти, чтобъ тебѣ, Великому Государю, Цесарскому Величеству и всему Хрестыянству такую побѣду <...> впередъ Богъ подароваль* (Грамота боярина Бориса Годунова императору Рудольфу, 1594 г.) [4, с. 1461];

(5) *А что говорилъ Н. Ц. В-ву отъ тебя, сестры нашіе, Елисаветъ королевны, посоль твой Елизаръ* (Грамота царя Федора Ивановича королеве Елизавете, 1589 г.) [5, 68, с. 347];

(6) *И мы, якъ естъ господарь хрестияньскии, за чолобитьемъ бояръ своих и жалей о хрестияньстве <...> с тобою, братомъ нашимъ, въ братскои любви и въ вечной приязни быти похотели* (Посольская грамота царя Федора Ивановича Стефану Баторию, 1586 г.) [1, 13, с.30].

Следует отметить, что употребление слов *брат*, *сестра* характерно лишь для коммуникации между монархами и не только подчёркивает равный статус участников речевого акта, но и придаёт коммуникативной ситуации в рамках дипломатического дискурса характер тесного, почти родственного общения.

Вместе с тем в текстах дипломатической переписки царя Федора Ивановича наряду с исконным для старорусского делового языка обращением «на ты» по отношению к единичному адресату отмечается употребление местоимения *вы*, которое традиционно употреблялось в значении мн.ч., и соответствующего притяжательного местоимения *ваш*:

(7) *Да не вѣдомо для какіе притчи тайно изъ вашего государства выѣхаль, и вы приказали послу своему его дѣло явно исполнити и въ Аглинскую землю его прислати* (Грамота царя Федора Ивановича королеве Елизавете, 1589 г.) [5, 68, с. 349].

Такие употребления в конце 1580-х гг. единичны, и появление их не может быть объяснено действием внутриязыковых факторов. Наиболее вероятной причиной употребления *вы* по отношению к единичному адресату в старорусских дипломатических текстах исследуемой эпохи является влияние иноязычных (прежде всего, немецких и английских) дипломатических посланий: не случайно отмеченные примеры были выявлены при анализе дипломатической переписки русского царя с английской королевой и императором Священной Римской империи Рудольфом, который использовал в дипломатической коммуникации с русскими правителями немецкий и латинский язык. И в немецком, и в английском языке в XVI-XVII вв. в аристократических кругах происходит становление «форм вежливости». Так, в английском языке в это время складывается устойчивая традиция использования местоимения *you* для обозначения единичного адресата, хотя в английском языке, как и в русском, изначально были местоимения 2-го лица *thou/you*, имеющие значение 2 лица единственного и множественного числа соответственно. Обращение с *thou* было привычным и нейтральным, однако под влиянием аристократии форма мн.ч. *you* становилась все более популярной, что в дальнейшем вытеснило местоимение ед.ч. С течением времени обращение на *Вы* стало считаться признаком хорошего тона и литературности речи [8].

При переводе дипломатических посланий на русский язык средневековый переводчик переводил англ. *you* чаще как *вы*, о чем свидетельствует

сопоставительный анализ оригинальных и переводных средневековых текстов, представленных в [5]:

(8) *And therefore we desyer to understand **your** resolution therof whether they ar done by **your** princely knowledge or by such as ar in office under **your** majesti* (оригинальная грамота королевы Елизаветы царю Федору Ивановичу, 1590 г.) [5, 70, с. 365];

(9) *И потому мы желаемъ рѣшительно знать отъ васъ: учинены ли онъ съ **вашего** государскаго вѣдома, или сдѣланы тѣми, которые на службѣ **вашего** вельва* (перевод грамоты королевы Елизаветы царю Федору Ивановичу, 1590 г.) [5, 70, с.365].

В оригинальные старорусские тексты, составленные от имени царя Федора Ивановича и Бориса Годунова до и после избрания на царство, употребление *вы* по отношению к единичному адресату постепенно проникало под влиянием переводов, и уже к концу XVI века число таких употреблений существенно увеличивается. Показательно в этом отношении сопоставление грамот боярина Бориса Годунова, адресованных в разное время императору Рудольфу [4]: если в 1589 г. из 52 словоупотреблений падежных форм местоимений 2 л. ед. и мн. ч. и соотносительных с ними притяжательных местоимений *вы* по отношению к единичному адресату вне титула отмечено лишь однажды, что составляет около 2% от общего количества, то в 1594 г. количество таких словоупотреблений возрастает до 35%.

Таким образом, предпосылки для обозначения единичного адресата местоимением 2 л. мн. ч. в русском языке складываются уже во 2-й пол. XVI в.: именно с этого времени употребление *вы* по отношению к единичному лицу отмечается в старорусских дипломатических текстах, куда попадает благодаря влиянию переводов дипломатических посланий с английского и немецкого языков. В результате исконная русская традиция обозначения единичного адресата местоимением ед. ч. *ты* претерпевает изменения, и уже к концу XVI в. в дипломатической переписке между монархами широко распространяется обращение на «вы». Однако мы еще не можем говорить о формировании устойчивой тенденции экспликации единичного адресата местоимением 2-го лица мн. ч. ввиду нерегулярного характера таких словоупотреблений и количественного преобладания в этой позиции местоимения ед. ч. *ты* и соотносительного с ним притяжательного местоимения *твой*.

Библиографический список

1. Lietuvos Metrika. Knyga 594: (1585 – 1600). – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2006. – 300 p.
2. Довгий, О. Л. История употребления «ты» и «вы» / О. Л. Довгий // Русская речь. – 2015. – № 3. – С. 91–95.
3. Карабань, Н. А. Роль категории вежливости в письменных жанрах делового общения / Н. А. Карабань // Известия ВГПУ. – 2010. – С. 92–95.
4. Памятники дипломатических сношений с Римской Империей. Том I: (1488-1594). СПб: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851. – 1620 с.
5. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553-1593 / Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. – СПб : Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875. – 563 с.
6. Резникова, Е. В. Личные местоимения и этикет / Е. В. Резникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 12 (165). – С. 119–125.
7. Судаков, Г. В. Как начиналась языковая реформа Петра I / Г. В. Судаков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – №5. – С. 38–44.
8. Темирова, О. А. К вопросу об употреблении и переводе английских местоимений *thou/you* в художественных текстах [Электронный ресурс] / О. А. Темирова // Текст научной

работы. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-upotreblenii-i-perevode-angliyskih-mestoimeniy-thou-you-v-hudozhestvennyh-tekstah-1>. – Дата доступа: 22.03.2022.

9. Формановская, Н. И. Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская. – М. : Издательство ИКАР, 2005. – 2-е изд. – 250 с.

УДК 801.73

ОСОБЕННОСТИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА Г. МИНСКА: ТИПЫ ЗАВЕДЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

FEATURES OF THE GASTRONOMIC DISCOURSE OF MINSK: TYPES OF CATERING ESTABLISHMENTS

А. Р. Троицкая

A. R. Troitskaya

*Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка;*

Науч. рук. – Г. А. Камлевич, канд. филол. наук, доцент

В данной статье на основе анализа типов общественных заведений, представленных на различных белорусских сайтах, устанавливается специфика гастрономического дискурса г. Минска.

In this article, based on the analysis of the types of public institutions presented on various Belarusian websites, the specificity of the gastronomic discourse of Minsk is established.

Ключевые слова: гастрономический дискурс; эргонимы г. Минска; типы заведений общественного питания.

Keywords: gastronomic discourse; ergonyms of Minsk; types of catering establishments.

В современном мире набирает популярность питание вне дома, что способствует развитию гастрономического дискурса. Гастрономический дискурс – это «лично-ориентированный тип так называемой глуттонической коммуникации (от лат. *gluttonare* – есть, питаться, пожирать, объедаться), который носит институциональный характер. Гастрономический дискурс напрямую ассоциирован с концептосферой «Пища, еда» [6, с. 157].

Цель данной работы – рассмотреть особенности гастрономического дискурса через установление типов заведений общественного питания г. Минска. Изучение данного феномена актуально, так как общественное питание является одной из важнейших сфер хозяйственно-экономической деятельности человека.

Материалом для исследования послужила информация, представленная на различных сайтах [1], [2], [3], [4], [5], [7].

Установлено, что для облегчения выбора потребителем заведения общественного питания, они классифицируются:

1) по национальной кухне – белорусская («Васильки», «Спадчына», «Родны куток»), азиатская («Янцзы», «Shanghai», «Бамбук»), грузинская («Melograno», «Хинкальня»), вьетнамская («Sen Hanoi», «Тай»), японская («KONONAKAGURE») и др.;

2) по ассортименту реализуемой продукции – вегетарианские («Gree+Go», «Crazy Vegan»), веганские, пивные рестораны, кофейня, кафе-пекарня (кондитерская), кафе-гриль, бургерная, пиццерия, суши-бар и др.;